

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ М.М. ПРИШВИНА
В ТРАКТОВКЕ Р.В. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

Общеизвестно, что «открытие» М.М. Пришвина как самобытного писателя принадлежит Р.В. Иванову-Разумнику, с которым Пришвина связывали многолетние дружеские отношения. Однако интерпретация критиком художественного мышления Пришвина не освещена в литературоведении полно и объективно во многом в силу причин идеологического порядка. Иванов-Разумник, несмотря на несомненные заслуги в области российской культуры, как бывший видный эсер был «вычеркнут» из отечественного литературного процесса советской эпохи. Политизированность советского литературоведения также не способствовала адекватному исследованию пришвинского наследия. Далеко не случайно пришивиноведы «пропустили» очень важную страницу в жизни и творчестве писателя – его сотрудничество в 1912–1914 гг. в журнале эсеровского направления «Заветы», в котором литературным редактором и ведущим критиком был Иванов-Разумник. Различие мировоззренческих позиций Иванова-Разумника и писателя не помешало критику обозначить существенные черты художественного мышления Пришвина, что подтверждает исследование статей Иванова-Разумника, а также художественных произведений и дневников Пришвина.

Ключевые слова: М. Пришвин, Р. Иванов-Разумник, журнал «Заветы», литературная критика, неореализм, художественное мышление, творческое наследие, космизм, универсум

Информация об авторе: Холодова Зинаида Яковлевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8980-2119>, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

E-mail: kholodova_z@rambler.ru

Дата поступления статьи: 29.10.2020

Для цитирования: Холодова З.Я. Художественное мышление М.М. Пришвина в трактовке Р.В. Иванова-Разумника // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 128-134. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-128-134>

Zinaida Ya. Kholodova
Ivanovo State University

MIKHAIL PRISHVIN'S ARTISTIC OUTLOOK
IN RAZUMNIK IVANOV-RAZUMNIK'S INTERPRETATION

It is well known that the discovery of Mikhail Prishvin as an original writer belongs to Ivanov-Razumnik with whom they were friends during a long period of time. However, the critic's interpretation or Mikhail Prishvin's artistic outlook is not covered well enough and objectively in the literary criticism due to serious ideological reasons. Ivanov-Razumnik who was in the most conspicuous place in sociaist-revolutionary party was struck out from the Soviet literary process in spite of his undoubted merits in the Russian culture. The politicisation of the Soviet literary criticism did not promote to adequate research of Mikhail Prishvin's creative heritage too. It was no accident that the investigators of Mikhail Prishvin's heritage passed over very significant page in writer's life and heritage, which is his collaboration in the socialist-revolutionary direction journal «The Covenants» in 1912–1914 where Ivanov-Razumnik was literary editor and leading critic. The world-view positions difference did not promote for the critic to mark essential features of Mikhail Prishvin's artistic outlook, which is confirmed by researching the materials of Ivanov-Razumnik's articles and Mikhail Prishvin's creative heritage and diaries.

Keywords: Mikhail Prishvin, Razumnik Ivanov-Razumnik, «Zavety» Magazine, literary criticism, new realism, artistic outlook, creative heritage, genre, cosmism, universum

Information about the author: Zinaida Ya. Kholodova, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8980-2119>, Doctor of Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

E-mail: kholodova_z@rambler.ru

Article received: October 29, 2020

For citation: Kholodova Z.Ya. Mikhail Prishvin's artistic outlook in Razumnik Ivanov-Razumnik's interpretation. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 128-134 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-128-134>

Пришвина и Иванова-Разумника, выдающегося общественного деятеля, социолога и историка литературы, крупнейшего критика предреволюционных лет, связывали взаимные уважительные и доверительные отношения более трех десятилетий [письма; Лавров; Варламов и др.]. Их многое сближало: глубокие знания в области философии и культуры, любовь к литературе, круг общения, во многом сходный жизненный опыт (оба прошли через аресты и ссылки в студенческие годы и после революции), интерес к взаимоотношениям народа и интеллигенции, к жизни народа.

Иванов-Разумник и Пришвин обращались в публицистике к одним и тем же проблемам, но их принципы и способы раскрытия темы народа существенно отличались. Об этом идет речь в статье Э. Мануэльян «Этнографическая публицистика Иванова-Разумника и М.М. Пришвина: “Деревня” после революции 1905 г.» (единственной работе, специально посвященной творческим связям Иванова-Разумника и Пришвина). Анализ раскрытия темы народа в неонароднической публицистике критика и писателя дан сквозь призму «этнографического субъективизма» (термин Д. Клиффорда, обозначающий такое отношение исследователя к изучаемой культуре, когда он, находясь внутри неё, остается сторонним наблюдателем и делает выводы о происходящем соответственно своим взглядам). В статьях Иванова-Разумника и Пришвина при сходстве внешних приемов (повествование от первого лица, инсценировка присутствия внутри среды, пересказ диалогов и т. д.) по-разному осмыслена культура деревни после первой русской революции. Хотя Иванов-Разумник «неоднократно ссылается на свою близость к событиям и объективность наблюдений (что подчеркивается подзаголовком первоначального журнального варианта статьи “Что думает деревня?” – “Впечатления очевидца”), все-таки деревня остается для автора сугубо *чужим* (курсив Э. Мануэльян. – З. Х.) культурным пространством» [Мануэльян: 64]. Он не стремился понять реальную деревню, а видел то, что соответствовало его собственным политическим установкам (по сути, использовал субъективный социологический подход, унаследованный от Михайловского и Лаврова). Пришвин же в очерках, заметках и корреспонденциях, публиковавшихся в 1905–1913 гг. (в газете «Русские ведомости» и в других изданиях), составивших сборник «Заворошка» (1913), «записывает свои сугубо личные, субъективные впечатления от деревенской среды, часто обнаруживая стремление вникнуть в совершенно чужой ему склад ума. Например, не разделяя суеверия своих крестьянских знакомых, он все-таки живо представляет себе психологическое пространство их культуры». Иванов-Разумник «обнаружил в Пришвине писателя, который не

только разделил его тяготение к народу, но и осознал сложность описания того, что он, собственно, нашел в “деревне”. На фоне раннего творчества Пришвина произведения XIX столетия, посвященные деревенской жизни, потеряли свою привлекательность. И, возможно, поэтому жанровое разнообразие пришвинских очерков, находящихся между художественной прозой, этнографическим описанием и журналистикой, так привлекало Иванова-Разумника» [Мануэльян: 65].

Пришвинские произведения привлекли критика не только глубоким пониманием жизни народа, он оценил по достоинству и художественное мастерство писателя-философа. Иванов-Разумник первым раскрыл особенности художественного мышления писателя, отметив, что в литературу тот вошел очерковыми книгами путешествий, в которых открыл поэзию русского Севера, Заволжья, Средней Азии, обретя известность как прекрасный стилист. В отличие от литераторов, считавших Пришвина этнографом, Иванов-Разумник в статье «Великий Пан» назвал его «чутким и тонким художником, может быть субъективнейшим из всех современных, художником в этнографии, художником в своей псевдо-публицистике» [Иванов-Разумник 1913: 45].

Пришвинская книга «В краю непуганых птиц» написана «с намеренной, плохо удающейся суховатостью», так что «могло у читателя сложиться впечатление полной “объективности” автора... Автор прячет самого себя, как будто хочет быть только фотографом, только объективным исследователем. Это ему не удается: всюду прорывается художник, дающий целые типы – сказочника и охотника Мануёлы, вопленицы Максимовны, колдуна Миколаича... не отдельные лица интересуют автора, а вся стихия народной жизни, стихия природы». Причина этого в том, что его «интересует общее, а не частное...: Великого Пана он ощущает в массе, а не в личности». В изображениях Надвоицкого водопада и Невского проспекта, в которых подчеркнуты гул и хаос, критик видит характерные для писателя ощущения и настроения и делает вывод, что «кажущийся “эпос” Пришвина есть в действительности интимнейшая “лирика”... глубокое субъективное проникновение художника в окружающий его мир». Начиная с книги «За волшебным колобком», Пришвин уже не старается скрыть «интимную субъективность своего творчества» [Иванов-Разумник 1913: 49]. После книги «У стен града невидимого», «нового шага со стороны формы, еще более сжатой и лапидарной», Пришвин «перешел к... форме рассказа, повести, перешел к фабуле, иной раз возвращаясь к прежнему типу своих писаний – к типу quasi-эпических описаний путешествия (“Черный араб”»». Видит критик прогресс и в стиле: Пришвин пишет «...ярко и просто, с такой художественной наивностью, с такой об-

манчиво-легкой простотой...» [Иванов-Разумник 1913: 50, 60].

Критик отметил творческое воздействие на писателя В.В. Розанова, подчеркнув, что Пришвин полубессознательно следует Розанову в разработке религиозных проблем (оба они ненавидят «черного бога»), но Розанов отождествляет монашеское христианство с Христом, а для Пришвина это нехарактерно. «Различна и их любовь: В. Розанов входит в космическое только в точке “пола”...; для М. Пришвина “святая плоть” – только частность религии Великого Пана; ему не надо входить в космическое – он весь в нем» [Иванов-Разумник 1913: 67]. Проницательный критик обозначил главнейшую особенность художественного мышления писателя – универсальность его художественной философии, назвал Пришвина «поэтом космического чувства», который подходит к решению вечных мировых вопросов: «Он описывает свои впечатления... это только фон. Вся сущность – в интимнейших переживаниях автора лицом к лицу с природой... перед нами всюду – тонко чувствующий, чуткий, субъективнейший художник, ищущий... у природы ответа на вековечные вопросы духа» [Иванов-Разумник 1913: 70].

Статья «Великий Пан» написана в 1911 г. Через год ставший литературным редактором ежемесячного литературно-политического журнала эсеровского толка «Заветы», Иванов-Разумник привлек Пришвина к сотрудничеству в нем. Иванов-Разумник, не будучи членом партии эсеров, проводил ее идейную политику в своих программных и литературно-критических выступлениях [Лавров; Новикова 2005; Новикова 2007], но прежде всего он стремился познакомить читателя с настоящей литературой, произведениями, вызывавшими полемику, и с лучшими современными писателями, имеющими разные идейно-художественные позиции.

Само название журнала подразумевало традиции «русского социализма» и преемственность идеологии народничества, что входило в круг интересов Пришвина начального периода его творчества. Пришвин вел в журнале раздел «По градам и весям», опубликовал в «Заветах» повесть «Иван Осляничек: (Из сказаний у Семибратского кургана)», цикл очерков «Славны бубны», несколько рассказов, рецензию на постановку драмы Ф. Соллогуба «Заложники жизни».

Имя Пришвина встречаем в нескольких статьях Иванова-Разумника. В программной статье «Черная Россия» (Заветы. 1912. № 8) критик сопоставил напечатанные в одной книге журнала «Шиповник» (1912. Кн. 18) рассказ Пришвина и повесть Ремизова, усмотрев «внутреннюю идейную связь между ними»: «“Никон Староколенный” как бы отвечает на те вопросы, которые встают перед нами после “Пятой язвы”», – о бытии и путях возрождения России, ее культуры. Своими произведени-

ями Ремизов и Пришвин включились в дискуссию о России, развернувшуюся в литературных кругах. Ремизов «убедил нас во внутренней осмысленности... жизненной трагедии» своего героя [Иванов-Разумник 2007: 205], а Пришвин, раскрыв «трагедию души человека, думавшего спасти Россию... который мог стать жестоким убийцей, представителем черной России» [Иванов-Разумник 2007: 198], дал возможность читателю «увидеть за черным и временным светлое и вечное». Главное в пришевском рассказе, по мнению критика, что «жива душа народная, что надо лишь ее понять» [Иванов-Разумник 2007: 205, 210].

Эти произведения противопоставлены роману З. Гиппиус «Иван-царевич», похожему, по словам критика, на «кинемаграфическую серую ленту», тогда как произведения Пришвина и Ремизова – «написанная красками картина подлинного художника и творца»: «Нет у него никакой “позиции”, не касается он современных вопросов, не фотографирует людей; пишет он то о каком-то захолустном пьянице-следователе (А. Ремизов, “Пятая язва”), то о каком-то диком новгородском мужике (М. Пришвин, “Никон Староколенный”), – и картина неизгладимо врезывается в нашу память. <...> И такое художественное произведение – подлинно живет в литературе; оно *есть* и оно будет. <...> Неужели же эти “черные, отрицающие жизнь произведения” и есть именно то, что нам нужно и ценно в литературе?» Задаваясь этим вопросом, критик признает, что от «разных Крайних и их подголосков» часто можно слышать, что современная русская литература «черна, мрачна, воспевает только смерть, только поражение жизни, только уход от жизни». Ему же «хотелось... показать, какое подлинно радостное чувство за человека выносишь из “Пятой язвы” А. Ремизова, этой, казалось бы, самой черной и убивающей жизнь картины: ее герой – герой трагедии и победитель жизни. И из темной драмы “Никона Староколенного” *выносишь бодрое и радостное чувство веры в жизнь и веры в русский народ* [Курсив Иванова-Разумника. – З. Х.]. Пробуждение и проявление этого чувства – вот что ценно и “нужно” всем нам в подлинно живой литературе минувшего года...» [Иванов-Разумник 2007: 57].

А. Крайний [З. Гиппиус] вступает в спор с автором статьи, видя в Пришвине «описателя», равнодушного к общественным проблемам, что подтвердил рассказ «без содержания», смысл которого однозначно определить невозможно, – «Никон Староколенный». Гиппиус недостаточно, что «рассказ по-современному хорошо написан». «Кому этого довольно, – говорится в статье «О “Я” и “Что-то”», – пусть радуется и желает, чтобы побольше писал Пришвин, побольше нарождалось таких талантливых, таких русских Пришевских <...>. Спокойнее, конечно, было бы отказать твердо от “Личности”, обрести красивое “Что-то” и прохо-

дять по жизни, как наши Пришвины по литературе, легконогими и ясными странниками с глазами вместо сердца» [Крайний: 166, 168].

В обзорной статье «Русская литература в 1913 году» (Заветы. 1914. № 1) Пришвин вновь упомянут Ивановым-Разумником рядом с Ремизовым: «Алексей Ремизов начал серию рассказов “Свет немерцающий” – в новых для него тонах; Михаил Пришвин дал рассказ “Саморок” (в стиле своего “Никона Староколенного”) и свои крымские впечатления – “Славны бубны”» [Иванов-Разумник 2007: 71].

В журнале «Заветы» имеется еще одна отсылка к Пришвину, правда, без упоминания его имени. Речь идет о мало кому известной рецензии Пришвина на постановку Вс. Мейерхольдом драмы Ф. Сологуба «Заложники жизни» в Александринском театре, напечатанной под псевдонимом Хрущёвский¹. Спектакль вызвал полемику в прессе: Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Блок, А. Волынский, А. Бенуа, В. Львов-Рогачевский и другие деятели литературы и искусства спорили о мастерстве Сологуба-драматурга, художественных достоинствах его символистской драмы, игре актеров; Пришвина занимал иной вопрос: причины неприятия творчества Сологуба обыкновенными людьми. Чтобы объяснить, почему пьеса не понравилась публике, заполнившей зрительный зал после премьеры, где присутствовали представители культурной элиты общества, он прояснил разницу в восприятии драмы эстетом и рядовым зрителем, который «есть прежде всего человек жизни». Обывателю чужд «сладостный» театральная обман, связанный с образом героини: не бывает в жизни, утверждал рецензент, чтобы «благороднейшая» девушка ради карьеры возлюбленного и благополучия родителей вышла замуж по расчету, а через восемь лет бросила «пошлую жизнь», семью. Поэтому «сочувствие зрителей остается на стороне пошлой жизни». Недоверие зрителей нарастает, а тут у девушки появляются «кисейные крылышки» за спиной, и что этим хотел сказать драматург, к чему он зовет: к небытию или иному бытию? Драматург свои символы ввел без «традиционного обмана», зритель не нашел «привычных крыльев для полета в иное бытие» [Хрущёвский: 165], рядовой зритель не в состоянии понять модернистскую драму потому, что средства раскрытия авторской мысли ему не знакомы. Говоря в обзорной статье «Русская литература в 1912 году» (Заветы. 1913, № 1) о враждебности критиков к роману Ф. Сологуба «Дым и пепел» (окончание романа «Навы чары»), Иванов-Разумник апеллировал к мнению рецензента пьесы, не раскрыв псевдоним: «... очень сердились на необычную “творимую легенду”, тесно сплетенную с самым что ни на есть обыденным и реальным. За то же самое сердились и на “Заложников жизни” того же автора; но по-

чему собственно сердятся – для меня это так-таки и осталось непонятным. Впрочем, причины эти довольно метко вскрывал автор заметки о “Заложниках жизни”» [Иванов-Разумник 2007: 54].

Сотрудничество Пришвина и Иванова-Разумника в одних изданиях («Скифы», «Речь») продолжалось до октябрьского переворота, затем пути их разошлись. Пришвинское негативное восприятие Октябрьского переворота как «самозванного» захвата власти большевиками² противоречило позиции Иванова-Разумника, поддержавшего революцию. Пришвин «скрылся» от ареста «в природу». Получив в октябре 1919 письмо от друга, в дневнике объяснил, почему он не мог примкнуть к большевикам: «Я не примкнул к ним оттого, что видел с самого первого начала насилие, убийство, злобу, и так все мое сбылось. У них не было чувства жизни, сострадания, и у всех от мала до велика самолюбивый задор – их верховный водитель, и что было верное, например, “царство Божие на земле”, то все замызгано. Между тем, все это наше, и большевики с коммуной, все наше; это очень важно чувствовать: что это все наша болезнь, ничего тайного, что не стало бы явным» [Пришвин 1994: 291]. Да и в то время, когда они познакомились, и в долгие годы их общения различие мировоззренческих позиций отчетливо проявлялось. Если Иванов-Разумник «подшел к обоснованию идейно-максималист[ской] позиции “скифства” <...> – своеобразного “почвенничества” с рев[олюционн]ым уклоном» [Лавров: 387], то Пришвин прошел путь «от марксизма к идеализму», от увлечения социалистическими идеями к убеждению о возможности гармоничного мироустройства при реализации христианской идеи этического равенства всех людей. Часто у друзей возникали споры, недовольство друг другом, а порой и отчуждение. Пришвин оказался прозорливее друга, не принявшего в советской действительности диктатуру одной мысли, государственное насилие над миллионами. Иванов-Разумник в 1930-е гг. дважды был арестован (по сфабрикованному обвинению в организации эсеровского подпольного центра, затем обвинен в распространении неонароднических идей), Пришвин оказывал материальную поддержку «опальному» другу в период ссылки, а после его освобождения вместе с А. Новиковым-Прибоем обратился к Л. Берии с просьбой разрешить Иванову-Разумнику жить недалеко от Ленинграда, чтобы тот имел возможность работать в архивах и библиотеке.

4 марта 1936 г. в дневнике Пришвина читаем: «26 февраля по 3 марта. ...Всю неделю с утра до ночи проговорил с Разумником. <...> Разумник со времени “Заветов” не сказал ни одного одобрит[ельного] слова о моих вещах, написанных при сов[етской] власти: он ревнует: Пришвина ведь он открыл. Я начинаю подозревать, что он вовсе и не понимал и не понимает, о чем я пишу. <...>

Ему, наверно, нравятся во мне некоторые стилистические приемы, по всей вероятности, действительно в прежнее время еще более четкие, чем теперь. А до А. Белого, как говорит Раз[умник], я и совсем не дошел» [Пришвин, 2010: 30–31].

Художник старался понять логику друга: «Рождение человека» (трагедия) у Разумника есть единственная тема литературы. Почему, напр., не рождение пана? Я очень боюсь, что “человек” у Разумника сливается с муками своего рождения и человека без необходимых мук он вовсе и не узнает. Как и все наши прежние народники, он по мукам только и узнает человека, втайне сладостно сливая эти муки со своими личными муками». Наконец, он решил, что догадался о причине недовольства друга: «Единственное слово, которое мог бы он сказать, – это: “подкоммунивает”» [Пришвин 2010: 31]. Но писатель ошибался. Иванов-Разумник противопоставлял жизненное и творческое поведение его и Андрея Белого, проявившего «слабость приспособленчества, которая, конечно, отразилась и на идеях и на искусстве» [из письма А.Г. Горнфельду. Письма 1998: 432]. По мнению критика, Пришвину «слабость приспособленчества» не была свойственна. Об этом речь идет в письме вдове Белого: «...Б.Н. считал, будто нельзя провести книгу через цензурно-издательские Фермопилы, не омарксичив ее, – и в этом он очень ошибался. Только что прочел замечательную книгу М.М. Пришвина “Золотой рог”... – совершенно не омарксиченную и вполне цензурную...» [Письма 1998: 442]. Но если Иванов-Разумник и писал К.Н. Бугаевой, что Пришвин держался достойнее поэта, то к нему самому предъявлял строгие требования. В книге «Писательские судьбы» критик разделил писателей советской России на три группы: уничтоженные, задушенные и приспособившиеся; и хотя имя Пришвина не названо, можно с уверенностью утверждать, что своего друга, как и самого себя, он относил ко второй группе.

В конце 1930-х гг. Иванов-Разумник готовил архив Пришвина к передаче в Литературный музей. Именно тогда он написал о Пришвине две статьи (до сих пор не опубликованы, хранятся в РГАЛИ). В.В. Перхин, изучив их, отметил значительный интерес содержащейся в них характеристики жанрового новаторства и творческой философии Пришвина. Очерки Пришвина рассмотрены Ивановым-Разумником в связи с русской и мировой очерковой традицией и с традицией народнической критики: подчеркнута «социальная подоплека художественно-публицистических очерков всех времен и народов», в том числе русского очерка XIX века, в котором художественное тесно переплетено с социальным. Пришвин унаследовал эту традицию и прежде всего традицию С.Т. Аксакова, в которой корни многих его будущих охотничьих рассказов, но развил ее: если у Аксакова «темати-

чески связанные очерки», то Пришвин сделал автобиографический роман «Кашеева цепь» «органическим сплетением ряда очерков», довел очерк «до органического синтеза в форме большого романа». Критик интерпретировал эволюцию жанра у Пришвина как «непрерывное обновление форм и “приближение к самому себе”, а это значит – “к свободе творчества и управлению своим талантом”». Развивая эту мысль, он писал, что Пришвин «боролся за свободу своей интуиции» и совершенствовал “свой стиль граверного реализма”» [цит. по: Перхин: 179]. В подчеркивании свободы интуиции слышится отзвук ранней мысли Иванова-Разумника о непрерывности процесса возрождения человеческого духа и особом значении индивидуальных ценностей. Иванов-Разумник писал о непрекращающемся поиске писателем исключительно художественной и самобытной формы. Назвав «Жень-шень» высшей точкой творчества Пришвина, он заметил, что в 1940 г. в «Новом мире» появилось «произведение в совершенно новом роде» – “поэма” о природе, творчестве и любви “Фацелия”. Основу постоянного творческого обновления Иванов-Разумник трактовал в соответствии со своей теорией противоборства «непримиримого духа» с «всесветным мещанством». В творчестве Пришвина он видел воплощение «борьбы творческого духа с “черным богом, с Кашеем”, который выражает “космическое и социальное зло” ...Единственный путь преодоления “Кашея” – “органическое творчество жизни”, а искусство “дает нам образцы для общего творчества жизни”» [цит. по: Перхин: 179].

Иванов-Разумник, творческая критика которого была нацелена на распознавание «философии» художника, стал одним из самых проникательных исследователей пришвинского наследия в XX в. Он лучше других понял своеобразие философии писателя и его художественного мира, присущие его художественному мышлению синтетизм и импрессионистическое мировосприятие, сближавшие его с символистами. Именно поэтому пришвинские пейзажи, в которых мир внешний и внутренний неразрывно связаны, стали «пейзажами души», а «этнографизм, эпичность» даже в очерковых книгах заменяются «субъективнейшей интимной лирикой души» [Иванов-Разумник 1913: 52].

Пришвинская художественно-философская концепция мира и человека сформировалась под воздействием идей русского космизма, ориентированного на восприятие человека в качестве органичной части космического единства, причем для «эстетического мировоззрения» (термин А.Ф. Loseva) Пришвина характерен синтез элементов поэтически-художественного и естественнонаучного направлений в космизме, для писателя важен эстетический образ мироздания, художественно-образное обнаружение многообразных граней отношения человека к природе.

Иванов-Разумник в какой-то степени подсказал Пришвину направление развития философской мысли. Так, в произведениях художника, созданных в 1920–1940-е гг., обнаруживается не только творческое развитие идей, воспринятых от русских мыслителей, но и превращение собственного мировоззрения в предмет художественного видения в книгах, составленных из лирико-философских миниатюр, – «Родниках Берендея», «Лесной капели», «Глазах земли», и в автобиографическом романе о духовном становлении русского интеллигента конца XIX века.

Статьи Иванова-Разумника обозначили направление исследований пришевского наследия в конце XX – начале XXI вв.

Примечания

¹ Под псевдонимом «Хрущёвский» (отсылающим к месту рождения) Пришвин публиковал газетные очерки из цикла «Письма в провинцию» (Речь. 1916), «Вернисаж» (День. 1917) [Пришвин 2004: 599–600].

² Отношение Пришвина к революционным событиям 1917 г. освещено в работе З.Я. Холодовой [Холодова: 170–173].

Список литературы

Варламов А.Н. Пришвин. М.: Мол. гвардия, 2003. 560 с.

«Дорогая моя и любимая Варя...»: Письма Иванова-Разумника В.Н. Ивановой из саратовской ссылки / публ. В.Г. Белоуса // Минувшее: ист. альманах. Вып. 23. СПб.: Atheneum: Феникс, 1998. С. 419–447.

Иванов-Разумник Р.В. Великий Пан // Иванов-Разумник Р.В. Сочинения. Т. 2. Творчество и критика. СПб.: Колос, 1913. С. 42–70.

Иванов-Разумник Р.В. Статьи Иванова-Разумника в журнальном контексте // Литературно-критические выступления Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: учеб. пособие / сост. Н.В. Новикова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. С. 45–260.

Крайний А. [З. Гиппиус] О «Я» и «Что-то» // Новая жизнь. 1913. № 2. С. 163–172.

Лавров А.В. Иванов-Разумник // Русские писатели. 1800–1917: библиографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия: Фанит, 1992. Т. 2. С. 385–389.

Мануэльян Э. Этнографическая публицистика Иванова-Разумника и М.М. Пришвина: «Деревня» после революции 1905 // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб.: Глаголь, 1996. С. 64–68.

Новикова Н.В. Р.В. Иванов-Разумник – редактор и автор журнала «Заветы» (1912–1914) // Литературно-критические выступления Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: учеб. пособие / сост. Н.В. Новикова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. С. 3–44.

Новикова Н.В. Литературно-критическая позиция Р. Иванова-Разумника в журнале «Заветы» // Куприяновские чтения–2005: материалы межвуз. науч. конф. Иваново: Изд-во «Иваново», 2006. С. 80–89.

Перхин В.В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 308 с.

Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. М.: Моск. рабочий, 1994. Кн. 2. 384 с.

Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937. СПб.: Росток, 2010. Кн. 9. 992 с.

Пришвин М.М. Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов / сост., вступ. ст., подг. текста и коммент. В.А. Фатеева. СПб.: Росток, 2004. 608 с.

Холодова З.Я. Русская революция в художественном сознании М. Пришвина // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Т. 20, № 6. С. 170–173.

Хрущёвский [Пришвин М.]. На заложниках жизни // Заветы. 1912. № 8. Разд. 2. С. 163–165.

References

Varlamov A.N. *Prishvin*. Moscow, Mol. gvardiia Publ., 2003, 560 s. (In Russ.)

«Dorogaia moia i liubimaia Varia...»: *pis'ma Ivanova-Razumnika V.N. Ivanovoi iz saratovskoi ssylki* [«My dear and beloved Varia...»: Ivanov-Razumnik's letters to V.N. Ivanova from Saratov exile], publ. V.G. Belousa. *Minuvshee: ist. al'manakh* [The Past: historical almanac]. Saint Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998, vol. 23, pp. 419–447. (In Russ.)

Ivanov-Razumnik R.V. *Velikii Pan* [Great Pan]. Ivanov-Razumnik R.V. Soch. T. 2. *Tvorchestvo i kritika* [Vol. 2. The creation and the criticism]. Saint Petersburg, Kolos Publ., 1913, pp. 42–70. (In Russ.)

Ivanov-Razumnik R.V. *Stat'i Ivanova-Razumnika v zhurnal'nom kontekste* [Ivanov-Razumnik's articles in magazines context]. *Literaturno-kriticheskie vystupleniia R.V. Ivanova-Razumnika in «Zavety» magazin* [R.V. Ivanov-Razumnik's literary-critical writs for «Zavety» magazin]: ucheb. pos., comp. N.V. Novikova. Saratov, Sarat. un-t Publ., 2007, pp. 45–260. (In Russ.)

Krainii A. [Z. Gippius] *O «Ia» i «Chto-to»* [About «I» and «Something»]. *Novaia zhizn'* [New life], 1913, № 2, pp. 163–172.

Lavrov A.V. *Ivanov-Razumnik. Russkie pisateli, 1800–1917: bibliograficheskii slovar'* [Russian writers, 1800–1917: bibliographic dictionary]. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., Fianit Publ., 1992, vol. 2, pp. 385–389. (In Russ.)

Manuel'ian E. *Etnograficheskaia publitsistika Ivanova-Razumnika i M.M. Prishvina: «Derevnia» posle revoliutsii 1905* [Ivanov-Razumnik's and M.M. Prishvin's ethnographic journalism: «A village» after revolution 1905]. *Ivanov-Razumnik. Lichnost'*.

Tvorchestvo. Rol' v kul'ture [Ivanov-Razumnik. The personality. The creation. The role in culture]. Saint Petersburg, Glagol' Publ., 1996, pp. 64–68. (In Russ.)

Novikova N.V. *R.V. Ivanov-Razumnik – redaktor i avtor zhurnala «Zavety» (1912–1914). Literaturno-kriticheskie vystupleniia R.V. Ivanova-Razumnika v zhurnale «Zavety»* [R.V. Ivanov-Razumnik's literary-critical writs for «Zavety» magazin]: ucheb. pos., comp. N.V. Novikova. Saratov, Sarat. un-t Publ., 2007, pp. 3–44. (In Russ.)

Novikova N.V. *Literaturno-kriticheskaia pozitsiia R. Ivanova-Razumnika v zhurnale «Zavety»* [R.V. Ivanov-Razumnik's literary-critical position in «Zavety» magazine]. *Kupriianovskie chteniia – 2005: materialy mezhvuz. nauch. konf. Ivanovo, Ivanovo Publ.*, 2006, pp. 80–89. (In Russ.)

Perkhin V.V. *Russkaia literaturnaia kritika 1930-kh godov: Kritika i obshchestvennoe soznanie epokhi* [Russian literary criticism of the 1930es:

Criticism and social consciousness of the epoch]. Saint Petersburg, S.-Peterb. un-t Publ., 1997, 308 p. (In Russ.)

Prishvin M.M. *Dnevnik. 1918–1919*. Moscow, Mosc. rabochij Publ., 1994, iss. 2, 384 p. (In Russ.)

Prishvin M.M. *Dnevnik. 1936–1937*. Saint Petersburg, Rostok Publ., 2010, vol. 9, 992 p. (In Russ.)

Prishvin M.M. *Tsvet i krest. Neizvestnye proizvedeniia 1906–1924 godov* [Prishvin M.M. The colour and the cross. The unknown works 1906–1924 godov], comp. V.A. Fateeva. Saint Petersburg, Rostok Publ., 2004, 608 p. (In Russ.)

Kholodova Z.Ya. *Russkaia revoliutsiia v khudozhestvennom soznanii M. Prishvina* [The russian revolution in M. Prishvin's artistic outlook]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, vol. 20, № 6, pp. 170–173. (In Russ.)

Khrushchevskii [Prishvin M.]. *Na zalozhnikakh zhizni* [Hostages of Life]. *Zavety* [Testaments], 1912, № 8, ch. 2, pp. 163–165. (In Russ.)